

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ОТДЕЛ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА ВСЕМИРНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«УНИВЕРСУМ ЖАНА БОДЕНА»
(К 490-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ФРАНЦУЗСКОГО ПОЛИТИКА И ФИЛОСОФА)**

ПРОГРАММА

(4 – 5 октября 2021 года)

Москва

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ
ПРОСПЕКТ ВЕРНАДСКОГО, ДОМ 76
(аудитория 442 Нового корпуса)

04 ОКТЯБРЯ (ПОНЕДЕЛЬНИК)

Регламент конференции

Доклады: до 30 минут

Дискуссия: до 10 минут

Языки конференции: английский, русский, французский

10.00 – 14.00

Утренняя пленарная сессия

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Ведет: Андрей Владимирович Доронин

Уколова Виктория Ивановна (доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России)

Историописание в синхронном срезе

Бобкова Марина Станиславовна (доктор исторический наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории исторического знания ИВИ РАН, профессор МГИМО (У) МИД России)

Рецепция идей Жана Бодена в России

Рогожин Александр Александрович (Кандидат исторических наук, преподаватель, БПОУ ОО «Орловский музыкальный колледж») **Zoom**
Идея «суверанства» в политических представлениях русского дипломата князя Б.И. Куракина (1676-1727): проблема боденовского влияния и «освоение» европейского понятия в русской политической культуре начала XVIII в.

Доронин Андрей Владимирович (кандидат исторических наук, научный сотрудник Германского исторического института в Москве)

Ренессансный дискурс происхождения народов и Критерии Жана Бодена

Дискуссия

Кофе-пауза

**ТЕМА: «МРАКОБЕСЬЕ ИЛИ ПРАГМАТИКА?
БОДЕН В "ОХОТЕ НА ВЕДЬМ"»
Ведет: Ольга Игоревна Тогоева**

Браун Елена Давыдовна (кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ШАГИ РАНХиГС)
Пророчества, проклятия и Божья кара. Мистическая трактовка Войн Роз в тюдоровской историографии

Тогоева Ольга Игоревна (доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН)
Жан Боден и английская демонология XVI-XVII вв.

Сахарчук Иван Александрович (автор, переводчик, редактор
Издательство CHAOSSS/PRESS)
«Демонomanия колдунов»: Древний страх или веяние новых времён?

Третьякова Марина Владимировна (кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и обществознания, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет)
Zoom
Жан Боден vs Джакомо Соранцо: два взгляда современников на реформацию XVI в.

Дискуссия

14.00 – 15.00 Обед

15.00 – 17.00

Дневная пленарная сессия

**ТЕМА: «РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ БОДЕНА»
Ведет: Татьяна Васильевна Черникова**

Yona Claire Dureau (Maître de conférences Qualifiée aux fonctions de professeur à l'Université de Lyon) **Zoom**
Bodin and Shakespeare: analyse the influence of Bodin's ideas in the great playwright's plays

Митюрёва Дарья Сергеевна (младший научный сотрудник лаборатории «Идеи. Контексты. События» Тюменского государственного университета)

Некоторые особенности цитирования Жана Бодена в Англии в XVII в.

Черникова Татьяна Васильевна (доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России)

Оценка Дж. Флетчером политического устройства Московии и концепция государства Жана Бодена

Дискуссия

Кофе-пауза

17.15 – 19.30

Вечерняя пленарная сессия

ТЕМА: «ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ТЕОРИИ БОДЕНА»

Ведет: Татьяна Васильевна Черникова

Lucien Oulahbib (CLESID Lyon3, Collège Supérieur, Lyon)

Bodin's theory of sovereignty and its actualization **Zoom**

Вин Юрий Яковлевич (кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН)

Концепт "Res publica" и его рецепции в византийском праве

Sophie Nicholls (PhD History, St Hugh's College University of Oxford)

Zoom

The metamorphosis of Jean Bodin's Six Livres de la République (1576)

Захарова Елизавета Сергеевна (стажер-исследователь НУЛ политической географии и современной геополитики НИУ ВШЭ)

От политических глав «Метода...» к «Шести книгам о государстве»: от конституционалиста к абсолютисту

Дискуссия

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ
ПРОСПЕКТ ВЕРНАДСКОГО, ДОМ 76
(аудитория 423 Нового корпуса)

05 ОКТЯБРЯ (ВТОРНИК) 2021 ГОДА

10.00 – 14.00 Утренняя пленарная сессия

ТЕМА: «УНИКАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ/ПРАВОВЫХ ШТУДИЙ
ЖАНА БОДЕНА: ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ»

Ведет: Гульнара Ильгизовна Баязитова

Guyot Adrian (École Normale Supérieure de Lyon) **Zoom**

A « catholicly amended » version of Les six livres de la République :
attenuations, modifications and suppressions in Gaspar de Añastro Ysunza's
Spanish translation of Jean Bodin's treatise (1590).

Баязитова Гульнара Ильгизовна (Кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой новой истории и мировой политики Тюменского
государственного университета)

Перевод Иоганном Освальдом «Шести книг о Республике» в Германии:
текст и контекст.

Циватый Вячеслав Григорьевич (кандидат исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран, Киевский
национальный университет имени Тараса Шевченко) **Zoom**

Ментальные и смысловые интерпретации концептов «война» и «мир» в
теории суверенитета Жана Бодена (1529/1530 – 1596): политико-
дипломатический и институциональный дискурсы.

Кауфман Игорь Самуилович (кандидат философских наук, СПбГУ)
Боден, Спиноза и политическая теология

Ландина Лариса Владимировна (кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского
государственного университета культуры и искусств) **Zoom**

Бона Сфорца (1494–1557) –правительница-практик эпохи формирования абсолютных монархий.

Дискуссия

Кофе-пауза

ТЕМА: «ИСТОРИОПИСАНИЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ»

Ведет: Олег Валентинович Ауров

Кузьмичёв Валерий Васильевич (сотрудник Московского отделения Св.-Владимирского Русского Православного Информационного Центра)
Шарль Фонтен и Пляеда: ожесточённая «литературная война» единомышленников

Самотовинский Дмитрий Владимирович (кандидат исторических наук, доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет)

Жан Боден и Луи Ле Руа: проблема взаимовлияния

Ауров Олег Валентинович (кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС (ШАГИ ИОН РАНХиГС))

Хуан де Мариана (1536-1624): у истоков испанской историографии Нового времени

Айзенштат Марина Павловна (доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН) **Zoom**
Генри Болингброк о методе Бодена

Андреас Буллер (Phd, ФРГ, Штутгарт) **Zoom**

Жан Боден и Вильгельм фон Гумбольдт о «форме истории»

14.00 – 15.00 Обед

15.00 – 16.00

ИТОГОВАЯ ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

Ведет: Марина Станиславовна Бобкова

ТЕЗИСЫ

04 октября 2021

Александр Александрович Рогожин

Идея «суверанства» в политических представлениях русского дипломата князя Б.И. Куракина (1676-1727): проблема боденовского влияния и «освоение» европейского понятия в русской политической культуре начала XVIII в.

Представления Б.И. Куракина о «суверанстве» близки к знаменитой концепции суверенитета Ж. Бодена, выраженной в «Les Six Livres de la République». Но «суверанство» в заметках князя имело отчетливо персонифицированный характер, что можно связать с особенностями восприятия «государства» в России. Куракинское «суверанство», основываясь на уже существовавшей практике перевода «суверенитета» как «самодержавия», впитало в себя эклектичный набор идей, почерпнутый из политических сочинений и дипломатической практики.

Андрей Владимирович Доронин

**Ренессансный дискурс происхождения народов и
Критерии Ж. Бодена**

На рубеже XV–XVI вв. в Европе стала складываться новая система исторических координат, (ранне)модерная национальная, впервые поделившая историю на эпохи, отличные одна от другой. Она отказывала всем, кроме итальянцев, не только в претензиях быть наследниками/носителями высокой античной культуры, но и древности происхождения. Тем самым общее универсальное прошлое человечества было поставлено под вопрос как нормативная ценность. Отныне все прочие народы были вынуждены искать собственные корни от начала мира. Отрицая варварство, национализируя (и нормализуя) Средневековье и мифологизируя античность, противопоставляя себя другим, они утверждали свои автохтонии – исконно самобытные, преемственные. Так рождалась (ранне)модерная полифония разных версий античности, а иерархический моноцентризм сменился полицентризмом равновеликих (!) субъектов истории.

Главным доводом в этом «состязании наций» (С. Hirschi) было origo nationis. Не стали исключением в этом смысле и историописатели нарождавшейся модерной французской нации. (Ре)конструируя свою древность, они должны были сделать выбор: какие корни, или скорее их комбинацию, предпочесть – романские? франкские (= германские, опосредованно греческие – через франков к Трое)? галльские (кельтские, т. е. автохтонные)? А их основными оппонентами в этом споре оказались немцы, отождествившие себя к кон. XV в. с германцами, о которых писал Тацит.

Включился в спор наций и Боден (см. его «Метод легкого познания истории», гл. IX – «Критерии, которые определяют истоки происхождения

народов»). Сведя воедино разные эпохи и парадигмы всемирной истории, он принципиально отрицает автохтонии, предполагая неизбежное смешение (вплоть до слияния) народов: «... только евреи превосходят другие народы своей древностью, никто, кроме них, не может проследить древние корни своего рода. Все, перемешанные вместе, укрепляют ствол, но отвергают ответвления». Этим он в т. ч. обесценивает претензии немцев на *translatio imperii*. Своим экскурсом в древность он мнит доказать, что «германцы происходят от галлов, а не галлы от германцев». Его (и других гуманистов) основной аргумент в споре подобного рода – древность того или иного языка, вернее следы, указывающие на его родство с языками древних.

В своем докладе я хотел бы представить сумму взглядов Бодена на проблему происхождения народов.

Елена Давыдовна Браун

Пророчества, проклятия и Божья кара. Мистическая трактовка Войн Роз в тюдоровской историографии

Мой доклад будет посвящен малоизученному аспекту восприятия Войн Роз в эпоху Тюдоров. Общеизвестно, что представление о второй половине XV в. как о единой эпохе смут и беспорядков появилось в начале XVI столетия, именно тогда время противостояния Йорков и Ланкастеров стали считать самым жутким и кровавым отрезком в истории Англии. Я попытаюсь продемонстрировать, как на создание тюдоровского мифа работали мистические мотивы: насколько значительная роль во вполне солидных и светских исторических сочинениях отводилась рассказам о черной магии, пророчествах и проклятиях. Также я попытаюсь объяснить, почему к концу XVI в. Войны Роз начали воспринимать как череду неслыханных прегрешений, за которые Бог справедливо покарал участников конфликта.

Ольга Игоревна Тогоева

Жан Боден и английская демонология XVI-XVII вв.

Хорошо известно, что континентальная европейская демонологическая традиция сложилась значительно раньше, нежели английская. Уже в XV в. здесь была в деталях разработана теоретическая основа охоты на ведьм, нашедшая воплощение в значительном корпусе трактатов. Англичане начали разрабатывать те же вопросы лишь с конца XVI в., что подразумевает, что во многом они руководствовались идеями своих континентальных коллег.

Тем не менее, современная историография вопроса практически не касается проблемы подобного интеллектуального влияния и возможных заимствований, несмотря на то, что в английских демонологических сочинениях регулярно можно обнаружить ссылки на тех или иных континентальных авторов. Среди этих последних Жан Боден занимает если не первое, то одно из главных мест.

Таким образом, представляется важным исследование того влияния, которое прославленный французский правовед и демонолог оказал на творчество своих английских коллег, начиная с короля Якова I и Реджинальда Скота, заложивших

две основные традиции восприятия колдовства в королевстве (реалистическую и скептическую) и заканчивая анонимными создателями антиведовских памфлетов.

В докладе предполагается проследить следы влияния Жана Бодена на основные вопросы, связанные с развитием английской демонологии: 1. роль королевской власти в организации охоты на ведьм; 2. охота на ведьм как способ сохранения миропорядка; 3. особенности самого концепта «ведьма»; 4. организация особой системы судопроизводства для выявления подозреваемых в занятиях колдовством.

Иван Александрович Сахарчук

**«Демонomanия колдунов»:
Древний страх или веяние новых времён?**

При анализе демонологических источников Жана Бодена обнаруживается фундаментальное различие его взглядов с ранними авторитетами, которое и вынуждает Анжерца дать первое юридическое определение колдовства именно как самостоятельного преступления. Здесь предпринята попытка определить предпосылки для формирования подобного представления: в какой мере его мнение является вариацией средневековых представлений, а в какой зарождается в соприкосновении с научной революцией эпохи Возрождения.

Марина Владимировна Третьякова

**Жан Боден vs Джакомо Соранцо:
два взгляда современников на реформацию XVI в.**

Р
еформационные процессы XVI в. неоднозначно были восприняты современниками. Это положение иллюстрируют взгляды Жана Бодена, французского политического деятеля и Джакомо Соранцо, венецианского нобилия. Первый придерживался принципов веротерпимости, отстаивая право человека на выбор религии. Второй, будучи венецианским послом и наблюдая за религиозными проблемами Англии, Франции, Священной Римской империи, пришел к выводу, что реформация представляет угрозу для внутренней жизни государств. Мнения современников отражают сложность идейных движений раннего нового времени.

Yona Dureau

**Bodin and Shakespeare:
Analyse the Influence of Bodin's Ideas in the Great Playwright's Plays**

Bodin came to London in 1581, as secretary to the Duke of Alençon who came to ask for the hand of Elisabeth I. During his visit to London, Bodin, who was honored with a public reading of *The Republic*, noted with pleasure that this work was studied in London and Cambridge, although in a version of a Latin translation that he considered barbaric. He proceeded to elaborate himself a Latin translation of his text for his English readers, which will be published in 1586. But before that, the work of

Bodin who made him famous was his economic analysis to which the beginning of the play can be a first intertextual allusion.

Bodin, in his treaty of 1568, responded to Maestric theories, according to which inflation came from the devaluation of the currency by the governors, and attributed this inflation to the massive entry of Peruvian silver metal on the European market. He was also the author, in 1574, of a Discourse on the causes of the extreme dearness in France. In his treaty against Maestroit, Bodin noted that the devaluation of money by the rulers and the importation of silver metal had one thing in common: they increased the quantity of monetary volume in relation to goods. Bodin then explained the relationship between this volume of money and the level of market prices. Since the flow of money is opposite to that of goods, Bodin deduced that the export of goods increased prices, while their import drove them down. Thus, the quintessence of the foreign trade policy formula was already present in Bodin's work. But his analysis implicitly recommended not to export the commodities whose prices one wanted to maintain.

Shakespeare's play, *Coriolanus* (1605), reflects Bodin's theories on economics as well as his reflexions on monarchical power. I propose to analyse the influence of Bodin's ideas in the great playwright's plays, and to show how Shakespeare staged his scene in Ancient Rome in order to feel free to voice his own position.

Татьяна Васильевна Черникова

Оценка Дж. Флетчером политического устройства Московии и концепция государства Жана Бодена

В XIV – первой половине XV в. о Северо-Восточной части Руси, находившейся под властью Орды, в большинстве стран Западной Европе мало, что знали. Представления о Руси ассоциировалось тогда большей частью с теми южно-русскими и западно-русскими землями, которые входили в Великое княжество Литовское. Поэтому, когда австрийский путешественник-авантюрист Николай Попель попал в Москву Ивана III (1462-1505) он был поражён. На родину он известие об этой другой Руси, куда более огромной и могущественной в сравнении с литовской Русью, это произвело на политическом олимпе Священной Римской империи впечатление сравнимое разве что с открытием Нового Света. Кстати в Империи, чтобы не путаться, за государством Ивана III закрепилось название Московии. В этой неведомой прежде Московии надеялись найти союзника для обуздания османской экспансии в Европу.

В итальянских государствах, особенно в Милне, Генуи, Венеции, знавших куда больше о Московии с середины-конца XV в., с восторгом встретили инициированный Святым престолом брак государя всея Руси Ивана III и воспитанной в Риме при папском дворе племянницы последнего византийского императора Софьи Палеолог. Эти надежды стали причиной появления на свет совершенно благожелательные и идеалистических трудов о Московии немецкого богослова Иоганна Фабри (1478-1540), итальянского писателя-гуманиста Павла Иовия (1483-1552) и Альберта Кампензе (1490-1542), родом нидерландца.

Оппозицию им составляли воззрения на Россию Матвея Меховского (1457-1523) и других польских авторов, чья позиция могла легко объясняться острым геополитическим соперничеством Польши и Литвы, скреплённых личной унией, и Московского государства за роль главного полюса геополитической силы в Восточной Европе.

Однако уже в первой трети XVI в. выяснялось, что надежды на антитурецкий союз и церковную унию с Московией оказались иллюзией. Интеллектуалы Запада Европы стали стремиться к критическому рассмотрению поступающих о России сведений.

Настоящим прорывом здесь явились «Записки о Московии» («*Regum Moscoviticarum commentarii*») Сигизмунда Герберштейна (1486-1566), издание которых на латинском языке увидело свет в 1549 г. Общественно-политическая и научная дискуссия о том, что представляет из себя далёкая Московия вышла на новый уровень.

Сам Сигизмунд Герберштейн в целом благожелательно описал Россию как могучую страну, с которой царской дипломатии достойно было вести переговоры о союзе. Однако, государственный строй Московии охарактеризовал как тиранию. В рамках политического учения Аристотеля тирания рассматривалась как незаконная и неправильная форма организации государственной власти, т.к. она превращает людей из граждан в рабов.

Образованная часть Ренессансной Европы усвоила взгляд на Московию как тиранию подобную Турции. Образ рождённого рабом москвитя, прославляющего своё рабство, появился даже в художественной литературе в Англии (поэзия Джорджа Тербервиля, Филипп Сидней, пьесы Уильяма Шекспира). Во Франции, раздираемой гражданской религиозной войной, стереотип московской тирании стал часто возникать в контексте рассуждений авторов о так сказать правильном для Франции государственном строе.

Однако именно во Франции была продолжена «линия» Иоганна Фабри, Павла Иовия, Альберта Кампъенского. Теперь для ряда авторов безропотное (добровольно-рабское) подчинение москвитов своему государю, обеспечившее в прошлом возрождение

его самодержавия (освобождение от ордынского ига), а ныне гарантирующее территориальное единство и стабильность огромного Московского государства, в глазах ряда авторов перевешивали недостатки политического строя Московии. Главным сторонником такого подхода во Франции оказался Жан Боден, добившийся к тому времени славы одного из самых востребованных авторов Ренессансной Европы, пишущих на политические темы.

Во второй половине XVI в. основным жанром сочинений о Московии времён Ивана IV Грозного (1533-1584) в сопредельных с Россией странах стали памфлеты. Их авторы бичевали личные пороки московского «тирана» и жестокости его политики. Апогея такой подход достиг в трудах связанных с Речью Посполитой авторов – немца Павла Одерборна (нем. Paul Oederborn, ок. 1555-1604) и веронца Александра Гваньини (итал. Alessandro Guagnini, 1538-1614).

Единственным научным трактатом, продолжающим и уточняющим политологические аспекты анализа России, начатые Герберштейном, оказалась книга «Of the Russe Common Wealthor Manner of Government by the Russe Emperer commonly called the Emperour of Moscovia with the manners and fashions of the people of that Country 1591» («О Государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царем Московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны») англичанина Джильса Флетчера (Giles Fletcher, 1548-1611).

Целью нашего доклада будет рассмотрение заочной дискуссии Бодена и Флетчера о природе государственной системы России. В наши задачи будет входить поиск прямых и косвенных параллелей между оценками Флетчера и Бодена. На наш взгляд, политические, правовые и общественные воззрения Бодена, высказавшего взгляд на Россию как легитимную монархию, хотя и деспотию, являлись для Флетчера, сторонника концепции «Московия – нелегитимная тирания», основой его идеологии и методологии.

Дарья Сергеевна Митурёва

Некоторые особенности цитирования Жана Бодена в Англии в XVII в.

В английских политических сочинениях XVII в. можно встретить ссылки на все основные трактаты Жана Бодена. В данном исследовании внимание будет сосредоточено на цитировании трактата «Шесть книг о государстве». Была составлена выборка английских сочинений за период с 1581 по 1700 г., которая включает 300 работ английских авторов. Большинство ссылок в них являются изолированными: одно упоминание «Шести книг», в лучшем случае цитата, на весь трактат. Однако встречается и серьезная корреляция или полемика с идеями Бодена. Встречается от 2 до 63 цитат в одном сочинении.

Интерес к трактату не был одинаковым: наиболее очевидные всплески цитирований можно наблюдать между 1640-м и 1650-м гг. и затем в 1656-1660-е гг. Меняется и характер цитат. С 1581 до 1640-го г. подавляющее количество обращений к «Шести книгам» не связано с теорией государства. События времен гражданской войны актуализировали идеи, высказанные в «Шести книгах», которой они не пользовались в более спокойные времена.

Sophie Nicholls

The metamorphosis of Jean Bodin's Six Livres de la République (1576)

Bodin's Six Livres de la République went through eleven editions in his lifetime, in which changes made to the text indicate developments in his political thought as he responded to the reception of the République, and to the changing political climate of France in the wars of religion. Self-translated from French to Latin, the text also underwent linguistic transformations which have important ramifications for the conceptual framework of Bodin's political thought.

This paper proposes to study the changes Bodin made to his text with a particular reference to François Hotman's Francogallia, which also underwent several editions

and changed its content over time. These two texts raise an important, yet under-examined question in the history of political thought as to the status of interpretation when it comes to 'canonical' texts that are taken to have a fixed, normative political message. This paper argues that Bodin's *République* is a case study in taking a different approach, one which accounts for transformations in language, meaning and context over time.

Захарова Елизавета Сергеевна

От политических глав "Метода..." к "Шести книгам о государстве": от конституционалиста к абсолютисту

Принципиальная разница в изложении и понимании политической теории «Метода легкого понимания истории» и «Шести книг о государстве» Ж.Бодена состоит в следующем: считается, что важнейшей характеристикой суверенной власти является способность принимать законы по своему усмотрению. Здесь Боден отвергает традиционный образ правителей, по-прежнему присутствующий в «Метод...», как верховных судей своего народа. Хотя суверены сохраняют обязанность обеспечивать справедливость своих законов, само позитивное право больше не рассматривается в «Шести книгах...» как выражение справедливости. Скорее оно воспринимается как прямое выражение воли того, кому принадлежит верховная власть. «Законы суверенного князя, хотя и основаны на веских причинах, тем не менее, зависят только от его искренней и доброй воли».

Позитивный закон «есть не что иное, как повеление суверена, использование его суверенной власти». Нельзя сказать, что Боден полностью рвет с конституционалистскими предположениями его более ранней работы. Его постоянное утверждение, что ни один суверенный указ не может по праву противоречить законам природы, приводит к двум конкретным ограничениям абсолютной монархии. Это связано с тем фактом, что Боден признает, что выполнение обещаний является требованием естественной справедливости. Следовательно, все правители обязаны соблюдать свои договоры даже со своими подданными.

Другое ограничение проистекает из исключительного положения, которое Боден отводит домохозяйству, семье в своей теории государства. Он

посвящает большую часть Книги I исследованию связей между семьями (домохозяйствами -- *ménage*) и государствами (2 глава первой книги), показывая, что домохозяйство не только институт, из которого государства вышли, но также модель, к которой они должны стремиться. Семьи не могут поддерживать себя, если у них нет материальных ресурсов для этого. Отсюда следует, что подданные существующего государства, живущие так же, как и семьи, не могут быть лишены их имущества без их согласия. Если, например, введение налогообложения должно быть законным, это может быть сделано только с явного согласия тех, кто облагается налогом. Как говорит Боден, принцип, что все могут быть князьями следует понимать только относительно власти и суверенитета. Когда дело доходит до собственности и имущества,

должно быть правило, что вещи каждого человека» должны быть оставлены для себя лично.

Однако, допустив эти исключения, Боден явно отвергает каждое из конституционных ограничений французской монархии, которое он подчеркнул в «Метод». Он объявил, что короли Франции должны получить одобрение на свои указы из трех сословий. Теперь он утверждает, что, хотя Штаты могут собираться для этой цели, но этого, как правило, никогда не бывает. Он также заявил, что Парламент может наложить вето на предложенный указ короля.

Этими связями Боден завершает свой анализ концепции общего порядка, а также применение своей теории к кейсу Франции. Ясно видно, что взгляды Бодена принципиально изменились от «Метода» к «Шести книгам»: от конституционалистских взглядов к твердой абсолютистской позиции. Боден, написавший «Метод» для дидактических задач, а «Шесть книг» для практических, словно меняет маску с историка на политического философа юридического толка. Конечно, на его тексты и решения повлиял контекст, окружение, в котором он жил и работал, наконец, политическая ситуация. Тем не менее, разные цели написания работ могут изменять характер и содержание написанного (например, тот же Боден писал «Шесть книг» по-французски, а не на латыни, потому что писал их для народа, для того, чтобы его поняли все).

05 октября 2021

Adrian Guyot

**A « catholicly amended » version of Les six livres de la République:
attenuations, modifications and suppressions in
Gaspar de Añastro Ysunza's Spanish translation
of Jean Bodin's treatise (1590)**

My potential intervention would deal with the Spanish translation of Bodin's République undertaken by Gaspar de Añastro Ysunza, treasurer of the Infante Catalina, printed in Turin in 1590, under the name of Los seis libros de la republica de Juan Bodino. Traducidos de lengua Francesa, y enmendados Catholicamente. In my study, I would specifically try to see what it meant for our translator to « catholicly amend » the Bodinian treatise, by underlining what has been modified, commented via annotations, or completely put aside, thus showing in the process what in Bodin's thought both appealed to and repelled a Spanish intellectual concerned with Catholic orthodoxy at the end of the 16th century.

Гульнара Ильгизовна Баязитова

**Перевод Иоганном Освальдом «Шести книг о Республике» в Германии:
текст и контекст**

В 1592 году в графской типографии Фридриха I в Вюртемберге был издан перевод политического трактата французского государственоведа Жана Бодена «Шесть книг о Республике» под названием «Республика. Правильное наставление». На немецкий язык его перевел монбельярский священник Иоганн

Освальд. Этот перевод будет издан еще два раза во Франкфурте-на-Майне в 1611 и 1640 гг. под названием «Об общем управлении миром». Перевод является любопытным, поскольку, во-первых, ставит вопрос об актуальности работы Бодена в немецких землях; во-вторых, осуществлен он как своеобразный палимпсест, поскольку переводчик снабдил его собственными рассуждениями, умозаключениями и критикой работы Бодена. В настоящем докладе речь пойдет о предисловии к трактату, где позиция переводчика видна ярче всего.

Вячеслав Григорьевич Циватый

Ментальные и смысловые интерпретации концептов «война» и «мир» в теории суверенитета Жана Бодена (1529/1530 – 1596): политико-дипломатический и институциональный дискурсы

Анализируется интерпретация и особенности оформления таких категорий как «война» – «мир» в теории суверенитета Жана Бодена, поскольку их институциональное место ограничено рамками политико-правового поля, в котором чётко прослеживаются отношения, связывающие эти понятия в тандемы (тандемы концептов). Концепт в философии, истории и лингвистике – содержание понятия, смысловое значение имени (знака). Отличается от самого знака и от его предметного значения (денотата, объёма, понятия). В юриспруденции концепту соответствует правовой институт. В процессе исторического и политико-правового развития такие тандемные понятия, как «война» – «мир», «свой» – «чужой», «враг» – «союзник», претерпевали качественные смысловые изменения в зависимости от характера эпохи, особенностей международных отношений, внешней политики, дипломатии, идеологии и религиозного мировоззрения государств.

Игорь Самуилович Кауфман

Боден, Спиноза и политическая теология

В докладе будет рассмотрено место Бодена в политической теологии и библейской филологии раннего Нового времени, в первую очередь на материале интеллектуальной истории Нидерландов XVI-XVII вв. В современной историографии истоки таких явлений как секуляризация, толерантность, конфессиональная политика видят в раннем / радикальном Просвещении.

Некоторые исследователи полагают, что интеллектуальным центром раннего / радикального Просвещения были политическая теология Спинозы и вообще нидерландская библейская филология (включавшая обширные экскурсы в интерпретации религиозно-политических проблем и актуальных конфликтов) XVI-XVII вв. При этом некоторые темы, рассматривавшиеся Боденом и Спинозой, удивительно близки (политические импликации еврейской истории, отношение государственной и религиозной власти, религиозный плюрализм, допущение конфликтующих религиозных мнений), так что некоторые авторы обсуждают вопрос о знании Спинозой *Coll. Hept.*

В докладе будет рассмотрена оценка современными исследователями вопроса о влиянии Бодена на теолого-политическую и библеистическую мысль Нидерландов, рецепция текстов Бодена в нидерландском раннем Просвещении, роль этой рецепции в дисциплинарной истории библеистики (библейской филологии) и его влияние на формирование традиции политической теологии.

Дмитрий Владимирович Самотовинский

Жан Боден и Луи Ле Руа: проблема взаимовлияния

Жан Боден и Луи Ле Руа были современниками, их интересы преимущественно лежали в одних и тех же областях – политики, истории, религии. Однако они ни разу не упоминают и не ссылаются друг на друга в своих сочинениях. Тем не менее, трудно представить, чтобы эти авторы не влияли друг на друга. В историографии есть попытки выявить это взаимовлияние. Мы хотели бы продолжить эту тему, сосредоточившись на следующих направлениях: климат и цивилизация, идея прогресса, представление об абсолютной монархии как наилучшей форме правления.

Андреас Буллер

Жан Боден и Вильгельм фон Гумбольдт о «форме истории»

Боден и Гумбольдт принадлежат различным эпохам и культурам, поэтому различия в их мировоззрениях невозможно не заметить. Между ними, однако, имеются и точки соприкосновения. Оба исследователя различают между историей как действием и историей как рассказом (письмом). Оба мыслителя осознают тот факт, что история рождается в акте исторической рефлексии. Поэтому она, с точки зрения Гумбольдта, имеет всегда определённую форму («Gestalt»), которую ей придаёт историк. Гумбольдт замечает, что хороший историк не должен быть статистом, а он должен уметь понять и ухватить внутреннюю взаимосвязь вещей. Боден, в свою очередь, указывает на то, что в истории всегда имелось бесчисленное множество «собираателей фактов», но очень мало таких исследователей, которые способны эти факты искусно изложить и придать им соответствующую «форму». Оба мыслителя, таким образом, уделяют большое внимание «форме истории». Но и в определении целей исторического познания мнения Бодена и Гумбольдта существенно совпадают. Боден считает, что история должна быть «образом истины». Гумбольдт видит задачу историка в том, чтобы открыть и понять «смысл действительности» («Sinn für die Wirklichkeit»). Идейную историю XVI и XIX столетий связывает больше, чем это может показаться на первый взгляд.

Ландина Лариса Владимировна

Бона Сфорца (1494–1557) – правительница-практик эпохи формирования абсолютных монархий.

Бона Сфорца (1494–1557), королева польская и великая княгиня литовская – современница Жана Бодена и наиболее активная правительница Короны Польской и Великого княжества Литовского.

Миланская принцесса, она стала символом своей эпохи. Наряду с ренессансной культурой, Ломбардия занимала ведущие экономические позиции в Европе. Италия была лабораторией, где на основе сеньорий формировалась абсолютная власть местных князей-принцев. Неизвестно, читала ли Бона Сфорца «Государя» Макиавелли, но она знала историю своей семьи. Ее отец умер в 25 лет при невыясненных обстоятельствах, дед был убит в результате заговора. Родной брат Боны, принц Франческо, жил в Ангулемском замке как заложник французского короля Людовика XII и однажды погиб, неудачно упав с лошади...

В 1518 г. Бона Сфорца стала женой короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I. Польша и Великое княжество Литовское, связанные династической унией, представляли собой иную модель экономики и политики. Со своей стороны, Бона Сфорца стала проводить здесь мероприятия, продиктованные логикой ее воспитания и образования.

В первую очередь, это укрепление монархической власти. Королева Бона, современница Жана Бодена, не была знакома с его произведениями. Однако в политике и экономике она настойчиво реализовала идею королевского суверенитета. В 1529 г. ее единственный сын Сигизмунд Август еще при жизни отца, был провозглашен правителем Великого княжества Литовского, и в 1531 г. коронован в Польше. Этому предшествовала как работа королевы с магнатами Литвы, так и три загадочные смерти –мазовецкой княгини Анны и двух ее сыновей...

Не менее важными были экономические мероприятия королевы-матери. Огромные владения королевы на территории современных Польши, Литвы, Беларуси, Украины и России, юридически уравнивались с королевскими для последующего финансового обеспечения монархии. Именно во владениях Боны началась известная аграрная реформа, «Волочная помера», оптимизировавшая землепользование, налогообложение и обеспечившая высокую рентабельность земель. Этому способствовали также

рост городов и местечек и создание соответствующей инфраструктуры – дорог, каналов, ярмарок и т.д.

Деятельность Боны Сфорца может рассматриваться как первые примеры рецепции мероприятий абсолютизма в будущей Речи Посполитой. Однако, по целому ряду причин, эти попытки не возымели должного эффекта. В сословной системе и политической культуре Польши и Великого княжества меры абсолютизма не прививались, несмотря на неоднократные попытки, повторяемые в последующие столетия.

Валерий Васильевич Кузьмичёв

Шарль Фонтен и Пляеда:

ожесточённая «литературная война» единомышленников

Как не парадоксально, но это так. Несмотря на все «боевые действия», предпринятые сторонами – в основном они были единомышленниками.

Пусть литературный манифест Пляяд, изданный Жоашеном Дю Белле – «Защита и прославление французского языка» – и напал, и подвергал безжалостной критике и самого поэтического наставника Шарля Фонтена – Клемана Маро, и его творчество, и поэтические жанры, эксплуатируемые Маро, и его «легкомысленное отношение» к предназначению поэта, к его «высокому самоотверженному, самозабвенному, жертвенному служению». Пусть «Защита и прославление» отвергала и смеялась над рабским преклонением и благоговением «высоких риториков» и «неолатинских поэтов» перед авторитетами древних и высокой латынью. Пусть литературный манифест Пляяды требовал строгой кодификации французского языка, чётких, прописанных грамматических правил, строго избегания заимствований из других языков. Пусть Пляяды превозносила античные жанры – оды, элегию, сонет, эклогу, комедию и трагедию и строго судила любимые жанры Маро – баллады, рондо и вирелэ. Пусть манифест возвеличивал миссию поэта, который «посредством глубокой учёности и упорного труда может обеспечить себе бессмертие, а идеалом которого является героическое служение искусству». А не поэтические забавы, всякие «блазоны о частях женского тела» Маро и его круга.

Но в главном-то и деятели Пляяды, и Маро со своими последователями и учениками, вроде того же Фонтена – согласны.

Не даром же «Защита и прославление французского языка» написаны под сильным влиянием Пьетро Бембо, автора «Азоланских бесед», посвящённых Лукреции Борджиа – с их переполняющейся чрез край неоплатонической философией любви и красоты, с их петрарковскими мотивами любовных чувств, вернее трансформации чувственной любви в «духовную».

Сильное влияние на манифест Пляяды оказало и творчество Сперо Сперони, благоговейного, послушного ученика Пьетро Помпонацци, падуанского и болонского аверроиста, сторонника концепции «двух истин» Сигера Брабантского и Боэция Дакийского, для которого истина философии – это истина разума, а поскольку Бог принципиально непознаваем и трансцендентен – то истина религии не является истиной философии. Сперони вслед за своим учителем философии повторял, что душа смертна и вводил понятие «автономной этики», т.е. «нравственности ради самой нравственности». Для Сперони, как и для Помпонацци, бог – это фатум, безличное начало, некий перводвижитель, природа, первопричина, не имеющая свободной воли. А зло – необходимая часть блага для равновесия, порядка и гармонии мироздания.

Манифест написан Дю Белле совершенно согласно и с идеями Жоффруа Тори, совершившего два образовательных путешествия в Италию и ставшего там законченным неоплатоником, пантеистом. Совершенно в пантеистическом духе написан его трактат «Цветущий Луг» (1529), где он прикровенно и иносказательно изложил постулаты неоплатонизма и гностицизма. Тори тоже требовал реформы французского языка, сожалел об отсутствии кодификации, строгих норм и правил грамматики французского языка.

Повлиял на Трактат Пляяды и Морис Сэв с его неоплатонической поэмой «Делия». Где, правда, не совсем в соответствии с идеями Марсилио Фичино

представлены сублимация и преодоление чувственной страсти и её трансформация в обожание олицетворённой «Добродетели». И его же религиозно-философской поэмой «Микрокосм», развивающей идеи Платонова «Государства», неоплатоников Макробия, Николая Кузанского и Эразма.

Но ведь и Клеман Маро совсем не чужд неоплатонизма и пантеизма в своих воззрениях. Не даром же он написал подражание, а, лучше сказать, новую версию «Романа о Розе» французского трувёра при дворе Людовика Святого Гийома де Лорриса и Жана Клопинеля («Вольтера Средневековья»). Но «Роман о Розе» -это ученически послушное переложение «Плача Природы» Алана Лилльского, манифеста Шартрской Школы - причудливой смеси номинализма, концептуализма, сенсуализма и рационализма. Не даром же Клеман Маро предпринял и подготовку нового издания поэзии Франсуа Вийона в 1533 году, пропитанной гностическими идеями и текстами. Не надо забывать и участие Маро в написании «Зеркала грешной души» Маргариты Наваррской, явного подражания знаменитому труду бегинки Маргариты Порретанской, члена секты «Свободного Духа», сожжённой на Гревской площади –«Зеркала простых душ».

Плеяда, Маро и Фонтен воюют только по частностям –«поэтические жанры, нормы литературного французского языка и предназначение поэта». В главном же они и Боден едины, совершенно согласны и солидарны –их идеология это неоплатонизм, почерпнутый из трудов античных авторов и европейских гуманистов.

Олег Валентинович Ауров

Хуан де Мариана (1536-1624): у истоков испанской историографии Нового времени

Доклад посвящен историографическому наследию Хуана де Марианы (1536-1624), испанского современника Жана Бодена. Видный деятель Ордена иезуитов, богослов, политический и экономический мыслитель, Мариана стал первым испанским историком Нового времени. Содержание его исторического труда – «Всеобщая история Испании» (1592), – обусловлено политическими идеями историка, в частности – его представлениями о природе королевской власти и идеей испанского единства, страстным поборником которого он являлся.

Марина Павловна Айзенштат

Генри Сент-Джон Болингброк о Ж.Бодене

Генри Сент-Джон лорд Болингброк оставил яркий, но, вместе с тем, непродолжительный след в анналах политической и интеллектуальной истории Британии. Он стал автором одного из выдающихся сочинений исторической мысли Британии эпохи Просвещения – «Писем об изучении и пользе истории». Написанные в 1735 г., «Письма» впервые были изданы в Британии в 1752 г., а через 2 года последовало собрание трудов автора. О популярности трактата Болингброка свидетельствуют многочисленные издания и переиздания на английском и европейских языках. Только за вторую половину столетия в Британии осуществлено пять переизданий. На французском языке они впервые

опубликованы в 1752, вплоть до конца века также вышло пять изданий. На немецком языке опубликовано четыре, а на итальянском – одно сочинение автора. Размышления Болингброка об истории, в том числе, нашли воплощение в «Рассуждениях о партиях» и в «Идее о короле-патриоте». Исторические взгляды Болингброка, несмотря на такую широкую популярность его сочинений в XVIII в., долгое время не привлекали внимание исследователей уже в следующем столетии. Среди российских историков о значимости идей Болингброка впервые заговорил М.А. Барг. Историк-марксист высоко оценил философию истории, новаторство автора «Писем», характеризуя их, как уникальный памятник исторической мысли не просто английского, но европейского Просвещения. Анализ Барга воззрений философа по сей день остается наиболее глубоким рассмотрением его концепции. Он осуществлен не просто в контексте жизни Болингброка, но и философских, политических и исторических взглядов мыслителя, при этом особое внимание было уделено развитию гуманистических представлений, догадок, которые предвосхитили идеи следующего столетия. Современных историков в большей мере привлекает не философия истории, а политическая философия Болингброка,

Интерес историков обусловлен тем, что годы бурной и переменчивой жизни Болингброка пришлось на переходную эпоху в истории Британии, а его политическую карьеру сопровождали стремительные, хотя и краткие, взлеты и опротивительные поступки, нанесяшие удар по его репутации. В совокупности все это не могло не отразиться на его философских и политических взглядах, а впоследствии проявилось в противоречивых оценках потомков.

В перечисленных произведениях Болингброк изложил свои политические взгляды и политический идеал. В отличие от многих просветителей убежденный тори Болингброк не был сторонником концепции договорного происхождения государственной власти. Деист и либертарианец, он отрицал теорию божественного права королей и разрабатывал концепцию естественного возникновения государства. Болингброк был уверен, что человек всегда жил в обществе себе подобных. Эгоизм, под которым он подразумевал себялюбие, удовольствия и пользу, послужил предпосылкой возникновения общества и правительства. Его первой стадией стала семья. Впоследствии согласие глав семейств послужило основой для расширения общества, а затем и подчинению государственной власти. Таким образом, Болингброк отрицал как вигскую концепцию общественного договора в качестве законного фундамента политического общества, так и теорию его божественного происхождения тори. Отсюда вытекало представление Болингброка о форме правления и королевской власти. Идеальной формой правления Болингброк считал наследственную ограниченную монархию, в которой король являлся первым слугой народа, человеком добродетельным, заботящимся о благе народа. Именно эти качества и дают ему право стоять над людьми. Король-патриот руководствуется принципами, продиктованными интересами общего блага, поэтому он реформатор моральный, но не политический.

В отношении партий Болингброк занимал двойственную позицию. С одной стороны, он полагал, что партии представляют собой одно из главных зол в жизни государства и народа. Поэтому король не должен опираться на какую-то

одну партию, ему надо встать выше и подчинить себе все партии. Как политик, он полагал, что партии нужны, и призваны противодействовать коррупции, всемерно разоблачая её.

Уникальность «Писем об изучении и пользе истории» - состоит в том, что в них воплощена не просто теория исторического процесса, а теория истории как области знания, как сфера духовной деятельности человека. М.А.Барг, отмечая сложный, разноплановый характер сочинения, писал: «Этот интереснейший поворот проблемы в сторону познавательного-методического сочетается с широким пониманием области исторического, включением в нее значительных элементов смежных дисциплин – политики и социологии, этики и права, этнологии и рациональной критики библейской традиции. Перед нами такое широкое осмысление истории как науки, которое превратило ее в своего рода философский синтез всей тогдашней гуманистики. Именно поэтому «Письма» могут рассматриваться как яркое воплощение идей раннего английского Просвещения в этой области».

Любопытна история появления основного исторического труда Болингброка. «Письма» стали ответом молодому аристократу, лорду Корнбери, правнуку графа Кларендона, автора «Истории Великого мятежа в Англии 1640-1660 гг.». Корнбери обратился к Болингброку с намерением узнать его мнение о том, в чем состоит польза истории. Ответ потребовал значительных усилий и размышлений автора, который написал 8 писем, где подробно изложил свои взгляды на пользу истории и методе её изучения. Это обусловило манеру изложения не в виде логически выстроенного трактата, а в форме живой беседы и отразилось на отборе тем, нуждающихся в рассмотрении. Стиль посланий, между тем, стал причиной отсутствия систематического изложения взглядов на историю, привел к неоднократным повторам (что предоставляет внимательному читателю возможность проследить, как автор расширяет, углубляет толкование того или иного тезиса) и противоречиям. М.А.Барг отмечал, что встречающиеся в тексте противоречия «не могут ни умалить значение тех замечательных прозрений, которые составляют основную привлекательную силу «Писем», ни зачеркнуть их ценность как уникального памятника английского Просвещения». А свободное цитирование других авторов объясняется тем, что «Письма» писались в годы эмиграции, вдали от личной библиотеки Болингброка. Он не имел возможности обратиться к первоисточнику и цитировал по памяти.

Обращение Болингброка к истории не случайно, он увлекся ею еще в молодости, путешествуя по Италии по завершении обучения в университете. Болингброк прекрасно знал античных авторов, столь же основательно был знаком с гуманистической мыслью, наиболее заметными трактатами, наконец, с трудами представителей эрудитской школы. Именно это направление вызывало его критику за извращение смысла и метода истории как науки, и в «Письмах» он нередко вступал в полемику с ними.

При всей оригинальности «Письма» написаны в европейской гуманистической традиции. Вместе с тем, в них она последовательно развита и обогащена завоеваниями рационализма XVII – первых десятилетий XVIII в. Гуманистическая историография этого периода, по мнению Болингброка, была лишена философского духа, поглощена частными событиями, которые не

приводили к обобщениям и урокам. Гораздо важнее обширной эрудиции этих ученых – практическое знание: как вести частную и публичную жизнь; чему служит и чему учит история. Осознавая новаторский характер своего произведения, Болингброк замечал, что изложенные им суждения отличаются от общепринятых, т.е. эрудитских.

И это отличие, прежде всего, в провозглашенной цели «Писем», сформулированной в «Обращении к милорду!» – противопоставить господствовавшим эрудитским представлениям об истории и методам ее построения взгляд с философских позиций последовательного рационализма и «экспериментального» метода. Уже сама по себе такая постановка отличалась новизной в силу популярности сочинений эрудитов.

По сути, Болингброк стал первым английским теоретиком истории, как науки. В гуманистической историографии, отмечал Болингброк, существовали два различающихся типа историописания. Он их обозначает как историю «эмоциональную» (поэтическую) и рационалистическую. Первая заботится об «удовольствии», но не пища для ума, создает «чтение», чтобы ублажить праздность. Подлинный же смысл изучения истории и подлинная польза от нее достижимы на пути рационалистической историографии. Лишь она способна пробуждать деятельность ума.

В число авторов, с которыми Болингброк вступал в полемику, находился и Жан Боден. Судя по кратким словам Болингброка, в юности он ознакомился с трактатом Бодена, который он отнес к немногим сочинениям, раскрывающим метод познания истории. И трактат произвел на него впечатление. Через много лет Генри вернулся к нему и не скрывал своего разочарования. Он писал, что методу отведено слишком мало страниц, но и те больше относятся к делу, чем «утомительная» пятая глава, озаглавленная «О правильной оценке исторических сочинений». В ней Боден объяснил характер различных народов их географическим положением на земном шаре и влиянием звезд. Следуя методу Бодена, писал Болингброк, мы сначала должны получить общее представление о всемирной истории и хронологии в кратких извлечениях, а затем уже перейти к изучению истории отдельных государств и народов, что приведет лишь к псевдоучености. Приводя слова Сенеки о том, что некоторые люди тратят жизнь на подготовку к деятельности, Болингброк иронизировал: метод Бодена поведет нас именно по этому пути и не оставит времени для реальной полезной деятельности, либо сделает непригодными для неё. Он не сделает человека лучше, не поможет содействовать миру, безопасности и благосостоянию или величию общества.

Болингброк был уверен в том, что надо остерегаться безудержного любопытства и не поткать ему. Люди слишком склонны доверять как философским системам, и в силу этого ставить их выше доводов рассудка, точно так же и исторические системы ставят выше известных фактов. И в этом случае историк начинает свой труд, а зачастую и заканчивает его, не опираясь на источники. И тогда Болингброк приступил к размышлениям о состоянии древней истории, а затем священной истории, которые послужили примером их недостоверности и запутанности. Опровергая тем самым метод Бодена.

В следующем письме Болингброк вернулся к этой проблеме. Он писал, что разумное чтение дает меньше сведений, но больше знаний, они накапливаются с определенной целью и совершенствуются благодаря искусному методу. В любое время их можно использовать как обладателем этих знаний, так и другими людьми. Тот же, кто читает без разбору, «подобно ученику Бодена», кто читает все подряд, не будет ни времени, ни возможности заниматься чем-либо еще. «Он не сможет размышлять, а без этого нет смысла читать; не сможет действовать, а без этого нет смысла размышлять».

С достоверностью, истинностью истории Болингброк связывал меру её социальной и этической пользы. Практическая польза истории, по мнению Болингброка, состоит в значимости в жизни человека и общества социально-исторического опыта, который зафиксирован и обобщен в истории. Болингброк выделял два взаимосвязанных опыта: опыт человека и опыт общества, который он рассматривал как политический. Их познание невозможно без знания опыта исторического. Повествуя о прошлом, история позволяет каждому поколению понять суть происходящего в «настоящем». Поэтому человека надо учить истории до вступления в самостоятельную жизнь, с детства готовить к жизни, разумному её пониманию.

Так история для Болингброка превращается в школу мудрости, морали, способствует совершенствованию человеческой природы. Болингброк первый среди ранних просветителей, ссылаясь на Дионисия Галикарнасского, утверждал, что история – это философия, которая обучает примерами.

Значимость примеров Болингброк выводил из особенности человеческого мышления. Она состояла в том, что абстрактные и общие суждения доступны пониманию людей в том случае, когда они будут растолкованы с помощью примеров. Именно они конкретными фактами подкрепляют эти суждения, воздействия на рассудок и на чувства. Школа примера – это весь мир, а наставниками в этой школе являются история и опыт. История в этом случае необходима для подготовки к усвоению опыта и сопровождает нас в течение всей жизни. Но одна история, писал Болингброк, о которой говорит Боден, Амьё и другие, не принимающая во внимание опыт – является лишь «глупой сказкой».

Итак, тезис о пользе появился в трудах Д.Локка и получил дальнейшее развитие в трудах Болингброка относительно места истории в жизни человека и общества. Столетия, прошедшие со дня смерти Бодена, были отмечены ускорению темпов жизни, сообщения и связи, безудержной погоней за богатством. Новые времена сопровождалась выработкой нового сознания и взгляда на знания, их пользы в практической жизни человека. По мнению известного российского историка В.И.Герье, утилитарный подход был выражен особо талантливым и блестящим автором, который подготовил общество к более высокому пониманию истории и впоследствии сделал возможным появление исторических трудов Д.Юма и Э.Гиббона. В ином плане тезис о пользе был развит уже собственно утилитаристами – Дж. Бенгемом и его последователями, которые подходили к оценке прошлого с точки зрения полезности тех или иных событий и явлений.